

С. Н. КАСАТКИН

**Проблема следования правилу:
Харт и Витгенштейн**

Настоящая статья представляет собой опыт осмысления и реконструкции теоретико-правовых построений (прежде всего трактовки правовой нормы и ее применения) британского правоведа, одного из основателей современного юспозитивизма Герберта Лайонела Адольфа Харта (1907–1992) через призму философского учения выдающегося австро-британского мыслителя, основателя лингвистической аналитической философии Людвиг Витгенштейна (1889–1951), в контексте намеченного им видения языка, значения, правила. Цель подобного рассмотрения — анализ методологических (здесь, витгенштейнианских) истоков концепции Харта, выявление того, насколько последователен мыслитель в применении и развитии идей австрийского философа, каковы существенные отличия и нововведения концепции правоведа по сравнению с оригинальной методологической основой, какова философская и теоретико-правовая ценность подобных построений.

Предметом особого внимания в данной статье выступает сформулированный «поздним» Витгенштейном парадокс следования правилу, который образует одну из фундаментальных и широко обсуждаемых проблем в философии XX в. и имеет серьезное значение для разработки состоятельных правовых концепций, сопряженных с вопросами понимания права, правовой нормы и юридического языка, полноты, определенности и регулятивных возможностей права, юридической аргументации и квалификации, юридического решения и др. (Последнее видится особенно важным для отечественной юриспруденции, по сути незнакомой с вышеназванными идеями и, что более важно, основанной на представлениях о языке, значении, правиле, которые составляют центральный объект критики со стороны представителей

философско-лингвистического анализа, бросающих ей серьезный вызов, требующий надлежащего ответа¹). В этой связи представляется интересным рассмотреть обоснование данного парадокса у Л. Витгенштейна, а равно прояснить его (возможное) восприятие и осмысление Гербертом Хартом применительно к праву и соотнести позиции британского правоведа с существующими в философской литературе ключевыми его решениями.

Сообразно указанным целям в рамках настоящей работы мы сначала обратимся к общему изложению ряда ключевых идей «позднего» Витгенштейна, а затем перейдем к рассмотрению в этом контексте базовых положений правовой концепции правил Харта, следуя от констатации его витгенштейнианских заимствований или параллелей к разбору отличных или оригинальных элементов рассуждения, связанных с этим трудностей и к формулированию общей (философской, теоретико-правовой) оценки предложенной Хартом теории норм и нормосообразного поведения в свете парадокса следования правилу.

Точка отсчета: учение Витгенштейна о языке, значении и следовании правилу

Людвиг Витгенштейн не занимался специальной разработкой какой-либо теории правил: его видение последних является составляющей более общего философского учения о языке, логике и аргументации. В своих поздних трудах (в первую очередь, в «Философских исследованиях» (1953)²) Витгенштейн критикует трактовку языка как «непространственного и невременного фантома»³, абстрактной унифицированной статичной описательной системы слов-указателей, имеющих фиксированное значение, предзаданное объективно существующими референтами, будь то какие-либо предметы (как в остенсивной теории значения) или ментальные образы (как в ментальной теории значения) и т. п. Сосредотачивая свой анализ в первую очередь на обыденной речи, он предлагает альтернативное видение языка, акцентирующее следующие его характеристики:

— Рассмотрение языка как деятельности, игры, определенной формы жизни: «“Языковой игрой” я буду называть <...>

¹ См., напр.: Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила и язык. М., 2008. С. 10–14.

² См.: Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. С. 75–319.

³ Там же. § 108.

единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен»⁴. «Представить же себе какой-нибудь язык — значит представить некоторую форму жизни»⁵. «Термин “языковая игра” призван подчеркнуть, что *говорить* на языке — компонент деятельности или форма жизни»⁶;

— Полагание языка как набора инструментов для достижения различных целей: «Представь себе инструменты, лежащие в специальном ящике. Здесь есть молоток, клещи, пила, отвертка, масштабная линейка, банка с клеем, гвозди и винты. — Насколько различны функции этих предметов, настолько различны и функции слов (Но и там, и здесь имеются также сходства)»⁷. «Язык — это инструмент. Его понятия — инструменты»⁸;

— Осмысление языка как динамичной и гетерогенной множественности несводимых друг к другу речевых практик, «языковых игр»: «Сколько же существует типов предложения? Скажем, утверждение, вопрос, повеление? — Имеется *бесчисленное* множество таких типов — бесконечно разнообразны виды употребления всего того, что мы называем “знаками”, “словами”, “предложениями”. И эта множественность не представляет собой чего-то устойчивого, раз и навсегда данного, наоборот, возникают новые типы языка, или, можно сказать, новые языковые игры, а другие устаревают и забываются»⁹.

С этих позиций значение знака или лингвистической единицы полагается философом не естественной данностью — картинкой, производной от отражаемого референта, но практикой его употребления, сложившейся в сообществе, в рамках той или иной языковой игры. Иначе говоря, знак не имеет здесь собственного объективно и строго зафиксированного значения, диктующего свое понимание и использование, но наделяется таковым в рамках определенной социальной практики, «формы жизни» и усваивается членами сообщества в процессе обучения и употребления: «Указательное определение объясняет употребление — значение — слова, когда роль, которую это слово призвано играть в языке, в общем уже достаточно ясна. <...> Если кому-нибудь показывают фигуру шахматного короля и говорят “Это король”, то этим ему не разъясняют применения данной

⁴ Там же. § 7.

⁵ Там же. § 19.

⁶ Там же. § 23.

⁷ Там же. § 11.

⁸ Там же. § 569.

⁹ Там же. § 23.

фигуры — разве что он уже знает правила игры. <...> Можно представить себе, что он изучил правила игры, но ему никогда не показывали реальной игровой фигуры. В этом случае форма шахматной фигуры соответствует звучанию или визуальному образу некоторого слова. Можно также представить себе, что кто-то освоил игру [путем наблюдения], не изучая или не формулируя ее правил. <...> Ему можно было бы дать пояснение “Это король”, показывая, например, шахматную фигуру непривычной для него формы. И опять-таки это объяснение учит его пользоваться данной фигурой лишь потому, что предназначенное ей место, можно сказать, уже подготовлено. Иначе говоря: мы только тогда скажем, что объяснение обучает его применению, когда почва для этого уже подготовлена <...> когда обучаемый уже “знает, что такое фигура в игре”. То есть когда он уже играл в другие игры или же “с пониманием” следил за играми других [и т. п.]. <...> О названии осмысленно спрашивает лишь тот, кто уже так или иначе знает, как к нему подступить»¹⁰. И далее: «Именование и описание находятся не на одном уровне: именование — подготовка к описанию. Именование — это еще не ход в языковой игре, как и расстановка фигур на шахматной доске — еще не ход в шахматной партии. Можно сказать: именованием вещи еще *ничего* не сделано. Вне игры она не *имеет* и имени. Это подразумевал и Фреге, говоря: слово имеет значение только в составе предложения»¹¹.

Языковая игра, Витгенштейну, предполагает определенные правила, образцы, а посему связь знака и референта имеет нормативный характер. При этом правила игры полностью не исчерпывают (и не могут исчерпать) всех возможных ситуаций употребления знака, лингвистической единицы, они призваны обеспечить достаточные ориентиры, необходимые для типичных, часто встречающихся ситуаций; при этом точность, определенность, полнота указаний — это элемент контекста, соразмерности практическим целям. Витгенштейн демонстрирует это на примере определения понятия «игра»: «[Понятие может и не иметь строгих границ]. Именно так мы и употребляем слово “игра”. Ибо как ограничить понятие игры? Что еще остается игрой, а что

¹⁰ Там же. § 30–31. См. также: *Оглезнев В. В.* Дескриптивный компонент понятия «действие» и его концептуализация в аналитической философии права // Проблема правосубъектности: современные интерпретации: Материалы международной научно-практической конференции. Вып. 9. Самара, 2011. С. 78–84.

¹¹ *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. § 49.

перестает ею быть? Можно ли здесь указать четкие границы? Нет. Ты можешь провести какую-то границу, поскольку она еще не проведена (Но это никогда не мешало тебе пользоваться словом “игра”). — “Но тогда использование данного слова не регулируется; “игра”, в которую мы с ним играем, не имеет правил”. — Да, употребление этого слова не всецело определяется правилами, но ведь нет, например, и правил, на какую высоту и с какой силой можно бросить теннисный мяч, а теннис — это все-таки игра, и игра по правилам. — Как же тогда объяснить кому-нибудь, что такое игра? Я полагаю, что следует описать ему *игры*, добавив к этому: “Вот это и *подобное* ему называют “играми”. <...> Можно сказать, что понятие “игры” — понятие с расплывчатыми границами. — “Но является ли расплывчатое понятие понятием вообще?” — Является ли нечеткая фотография вообще изображением человека? Всегда ли целесообразно заменять нечеткое изображение четким? Разве неотчетливое не является часто как раз тем, что нам нужно? <...> Разве бессмысленно сказать [кому-то, стоящему вместе со мной на городской площади]: “Стань приблизительно там!”? <...> При этом я не очерчиваю какие-то границы, а всего лишь делаю указательное движение рукой, — показывая ему на определенное место. Вот так же можно объяснить кому-нибудь и что такое игра. Ему предлагают примеры и стараются, чтобы они были поняты в определенном смысле»¹². И далее: «Я говорил об употреблении слова: оно не всецело очерчено правилами. Но как выглядит игра, полностью ограниченная правилами, не допускающими ни тени сомнения, игра, которую всякое отклонение заклинивает? — Разве нельзя представить себе правило, регулирующее применение данного правила? А также сомнение, снимающие *это* правило, — и так далее? <...> Правило выступает здесь как дорожный указатель. — Разве последний не оставляет никаких сомнений относительно пути, который я должен избрать? Разве он указывает, когда я прохожу мимо него, в каком направлении мне идти — по дороге ли, тропинкой или прямо через поле? А где обозначено, в каком смысле нужно следовать ему: в направлении ли его стрелки или же (например) в противоположном? — А если бы вместо одного дорожного указателя имелась замкнутая цепь путевых знаков или меловых меток на земле, — разве в этом случае проигрывалась лишь одна их интерпретация? — Итак, можно говорить, что дорожный знак все-таки не оставляет места

¹² Там же. § 68–71. См. также § 88, 98.

сомнению. Или вернее: он иногда оставляет место сомнению, а иногда нет»¹³.

Итак, регламентация словоупотребления, по Витгенштейну, ориентирована прежде всего на наиболее распространенные, привычные ситуации речи и действия, а посему именно они обеспечивают определенность: «Лишь в типичных случаях нам четко предписано определенное употребление слова; мы знаем, у нас нет никаких сомнений, что сказать в том или ином случае. Чем менее типичен случай, тем более сомнительно, что при этом следует сказать. Если бы вещи вели себя совсем иначе, чем они ведут себя в действительности (не существуй, например, характерных выражений для страха, боли, радости; стань правило исключением, а исключение — правилом; стань их частота приблизительно одинаковой), то наша привычная языковая игра потеряла бы свой смысл»¹⁴.

Это же, с другой стороны, обуславливает изменчивый и открытый характер словоупотребления: «Если говорят “Моисей не существовал”, это может означать разное: у израильтян при исходе из Египта не было *одного* вождя или их вождя звали не Моисей, или вообще не было человека, совершившего все, что Библия приписывает Моисею, и т. д., и т. п. — Вслед за Расселом мы могли бы сказать: имя “Моисей” можно определить с помощью разных описаний [“человек, проведший израильтян через пустыню”, “человек, живший в такое-то время и в таком-то месте и называвшийся Моисеем”, “человек, который в младенческом возрасте был вытасчен из Нила дочерью фараона” и пр.]. И в зависимости от того, примем ли мы одно или другое определение, предложение “Моисей не существовал” приобретает разный смысл, как и любое иное предложение о Моисее. <...> — Ну, а всегда ли я готов, высказывая нечто о Моисее, заменить имя “Моисей” одним из этих описаний? Пожалуй, я скажу: под “Моисеем” я подразумеваю человека, содежавшего то, что Библия приписывает Моисею, или же многое из того. Но сколь многое? Решил ли я, сколь многое должно оказаться ложным, чтобы я признал мое предложение ложным? Иными словами, имеет ли для меня имя “Моисей” твердо установленное и однозначное употребление во всех возможных случаях? — Не обстоит ли дело так, что у меня в распоряжении как бы целый набор подпорок, так что, лишившись одной из них, я готов опереться на другую, и наоборот? [можно сказать, что я пользуюсь именем “Моисей”]

¹³ Там же. § 84–85.

¹⁴ Там же. § 142.

без фиксированного значения, что наносит его применению столь же малый ущерб, как и столу — то, что он стоит на четырех, а не трех ножках и потому иногда пошатывается»¹⁵. И далее: «Я говорю: “Там стоит стул”. А что, если я подхожу к нему, собираясь его взять, а он вдруг исчезает из виду? — “Значит, это был не стул, а некая иллюзия”. Но через две секунды мы снова видим его и можем потрогать его рукой и т. д. — “Тогда все-таки это был стул, а обманчивым было его исчезновение”. — Но допустим, что спустя какое-то время он исчезает снова или же кажется исчезнувшим. Что тут скажешь? Есть ли у тебя готовые правила для подобных случаев, — правила, говорящие, можно ли все еще называть нечто “стулом”? Или же мы обходимся при употреблении слова “стул” без них; и должны говорить, что, по сути, не связываем с этим словом никакого значения, так как не располагаем правилами всех его возможных применений?»¹⁶.

В русле названных положений Л. Витгенштейн выстраивает и свое понимание правила, выступая с критикой целого ряда утверждений, нацеливающих на поиск скрытых истинных сущностей, механизмов, детерминант речевых практик:

— Языковые правила могут быть сформулированы явно, четко и однозначно, так что в сущности они подобны четким и однозначным правилам логических либо математических исчислений, хотя их сущность маскируется в разнообразных формах функционирования естественного языка;

— Овладеть правилом — значит быть в состоянии дать его четкую формулировку;

— следование правилу предполагает его понимание, т. е. специфическое состояние сознания, которое надо вычленивать и описать;

— Следование правилу предполагает его адекватную интерпретацию; интерпретация «содержится в голове» участвующих в коммуникации людей;

— Правило «содержит в себе» все случаи своего применения; подобно формуле оно детерминирует действия, составляющие следование данному правилу;

— Если правила служат основой коммуникации, то и следование правилу должно иметь некую основу; чтобы не возникало логического круга, объяснение того, как люди следуют правилу, должно быть найдено вне коммуникации (например, в наличии особых психических механизмов в сознании участников комму-

¹⁵ Там же. § 79.

¹⁶ Там же. § 80.

никации или в том, что правила являются отражением некоторой реальности);

— Нарушение правил породит столкновение с реальностью, которая накажет за это (так, нарушение логических правил приведет к ошибочным выводам, а это, в свою очередь, — к ошибочным действиям)¹⁷.

Витгенштейн трактует правила в качестве элементов языковой практики, выполняющих различные функции: «Вспомним же, в каких случаях утверждают, что игра проводится по какому-то определенному правилу! Правило может быть инструкцией при обучении игре. Его сообщают учащемуся и обучают его применению правила. — Или же правило выступает как инструмент самой игры. — Или же его не применяют ни при обучении игре, ни в самой игре; не входит оно и в перечень правил игры. Игре обучаются, глядя на игру других. Но мы говорим, что в игре соблюдаются те или иные правила, так как наблюдатель может “вычитать” эти правила из практики самой игры — как некий закон природы, которому подчиняются действия играющих»¹⁸.

Ключевым в анализе социальной нормативности для позднего Витгенштейна является вопрос о том, каким образом возможно предопределение правилом надлежащего поведения, идентификация того, что ему соответствует, и что — нет: что является надлежащим способом продолжения математического ряда¹⁹, следования указанию дорожного знака²⁰ и т. п. Философ рассматривает и последовательно отклоняет четыре варианта решения данного вопроса:

— *Механицизм*: правило и его приложение не связаны каузально посредством механизма нервной системы (результат вычисления компьютера делает правильным не его внутренний электронный механизм);

— *Ментализм*: когда говорящий имеет в виду, чтобы обучающийся продолжал так-то, а не так-то, его «ментальный акт» намерения предполагает, а не предопределяет сам по себе то, что считать соответствующим правилу;

— *Платонизм*: правило не является странной абстрактной сущностью или разновидностью «логической машины», содер-

¹⁷ См.: Сокулер Э. А. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX в. М., 1994. Гл. 6. Проблема следования правилу. С. 121–122.

¹⁸ Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. § 54.

¹⁹ Там же. § 185–187.

²⁰ Там же. § 85.

жащей в себе набор действий, которые считаются согласующимися с ней;

— *Интерпретационизм*: ошибочно предполагать, что то, что считается соответствующим правилу, всегда является толкованием, ибо это порождает бесконечный, порочный регресс²¹. <...>

Итак, согласно Витгенштейну, правило, по аналогии со знаком, также не имеет самодостаточного предзаданного значения и само по себе не может детерминировать способ своего применения. Его идентификация невозможна и через потенциально бесчисленные и ведущие к регрессу толкования, трактуемые как предоставление одних не обладающих определенностью формулировок и знаков взамен других. Важны не сами по себе толкования, а сложившаяся и действующая в обществе практика, в рамках которой формируется, воспроизводится, определяется и переопределяется фактическая система критериев дифференциации соблюдения и нарушения тех или иных стандартов, транслируются и закрепляются соответствующие им образцы или навыки суждения и поведения, а равно соответствующий им перечень оснований уместности речевых высказываний или квалификаций.

Таким образом, нейтрализуя традиционные теории значения и децентрируя знак или норму, Витгенштейн, с одной стороны, проблематизирует работу правил в повседневных, «типичных» ситуациях, с другой — намечает иное направление поиска оснований правилосообразного поведения: в совокупности практики и «точке зрения» сообщества.

В заключение параграфа отметим, что рассуждения Витгенштейна о следовании правилу породили острую полемику относительно существа его позиции — от весьма радикальной скептической формулировки и решения парадокса следования правилу у Сола Крипке до более умеренной исторической реконструкции воззрений философа у Гордона Бейкера и Питера Хакера:

— С. Крипке толкует данный парадокс в скептическом ключе: как демонстрацию невозможности нахождения факта, позволяющего предпочесть ту или иную интерпретацию знака / правила (отсутствие объективного факта, определяющего надлежащее следование правилу; отсутствие объективного факта, определяющего соответствие изначально предполагаемого правила и правила осуществленного; отсутствие объективного факта прошлого словоупотребления или применения правила, который бы

---

²¹ См.: Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила и язык. М., 2008. С. 16–17.

предопределял будущие применения слова или правила). Отсюда, исследовательские акценты смещаются на анализ приписывания значений, его роли, оснований и механизмов. По мнению Крипке, связь знака и референта, правила и соответствующего действия учреждается конвенцией, позицией сообщества — в первую очередь его экспертов — и базируется на конечном числе прошлых образцов соблюдения правила. Правило и следование ему являются здесь необходимо и исключительно коллективными или социальными²².

— Г. Бейкер и П. Хакер, в противовес этому, отстаивают существование (заданного грамматикой языка) «внутреннего отношения» между правилом и его соблюдением, не опосредованного каким-либо промежуточным элементом в виде интерпретации, позиции сообщества и пр.: именно правило определяет здесь свое корректное употребление, тогда как само существование правила возможно благодаря сложной человеческой практике. Здесь допускается индивидуальное следование правилу и ошибки сообщества в его надлежащей идентификации.

Харт в координатах Витгенштейна: парадокс следования правилу и проблемы юридической нормативности

Идеи, предложенные Витгенштейном, принимаются на вооружение Г. Хартом и развиваются применительно к проблематике правовой теории, и в частности к проблеме судебного решения.

В западной (англо-американской) юриспруденции, еще начиная с рубежа XIX–XX вв., развернулись жаркие дебаты относительно роли правила в разрешении судебного дела, а также общей определенности и полноты права, которые непосредственно пересекались с описанным выше нормативным парадоксом²³. Среди основных позиций в данных полемиках можно назвать следующие:

— *Юридический формализм* (классический юспозитивизм), представлявший собой точку отсчета, а точнее основной объект критики, трактует право в качестве «закрытой системой» стандартов, содержащей в себе все ответы на правовые вопросы, которые судья механически, посредством логических средств вы-

²² См.: Крипке С. А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М., 2010.

²³ См.: Касаткин С. Н. Доктрина судейского усмотрения в концепции Герберта Л. А. Харта // Антропология права: філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи): Матеріали Міжнародного «круглого столу». Львів, 2010. С. 261–278.

водит из официальных материалов / установлений и применяет к конкретным случаям. Правовые нормы обеспечивают здесь всеобъемлющее регулирование и исчерпывают или предопределяют решение по юридическому делу (проблема следования правилу является при таком подходе чужеродным элементом).

— *Нормативный скептицизм* (американский правовой реализм) как главный оппонент формализма и инициатор спора указывает на (радикальную) неопределенность права, неспособность самих по себе официальных стандартов предопределять решение по делу («Общие положения не решают конкретных дел» (О. У. Холмс мл.)), подчеркивают доминирующую роль ненормативных или неправовых факторов. По мнению реалистов, судьи реагируют не на правила, а на конкретные фактические ситуации и действуют в их отношении согласно собственным психологическим особенностям и / или усвоенным стереотипам, принятым в их кругу, культуре, сообществе; правила же либо имеют подчиненное значение в юридическом решении, либо не играют вовсе никакой роли, выступая элементом официальной риторики и легитимации решения задним числом. Именно реалисты — правда, на иной идейно-методологической основе — сформулировали парадигму нормативного скептицизма, близкую последующему и более утонченному парадоксу следования правилу и именно вызову реалистов пытается противостоять Герберт Харт в 7-й главе «Понятия права»²⁴.

— *Юридический холизм* или *интерпретативизм* Рональда Дворкина — хронологически более поздняя (конец 1960-х — начало 1970-х гг.) альтернатива позициям сторон в споре (включая далее и Г. Харта). Согласно Дворкину, право мыслится как институционализованный совокупность практик толкования и аргументации, включающая разнообразие нормативных образцов — правил, принципов, целей и т. п. — и содержащая единственный правильный ответ на любой юридический вопрос (способная или обязанная гарантировать его нахождение). Здесь утверждается полнота и определенность права, отрицается судейское усмотрение как право судьи выходить за принятые нормативные стандарты, а образцовое решение связывается с построением или обоснованием судьей наилучшей теории права для разбираемого случая — теории, которая бы соответствовала институциональной истории системы (прошлым политическим решениям) и обеспечивали ей наилучшее оправдание. При том, что данная позиция видится вполне совместимой с нормативным

²⁴ См.: Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб., 2007.

парадоксом, она представляется прежде всего юридико-идеологической, выстраивая свои рассуждения на базе ценностей и конвенций права как института.

По отношению к заявленным здесь подходам, Харт стремится обосновать срединную точку зрения, отстаивая разделение ясных и пограничных случаев применения правила, а равно тезисы «открытой структуры или текстуры» (ограниченной неопределенности) юридического языка или права и связанного с этим судейского усмотрения. Основой для подобных построений выступает практическая теория правил Харта, где он, как представляется, во многом следует философской концепции позднего Витгенштейна. Так, британский правовед разделяет следующие позиции австрийского философа:

— Общее восприятие языка как деятельности, центрирование его анализа в философском исследовании;

— Рефлексия способов употребления, а также надлежащих оснований социального приписывания;

— Трактовка значения как употребления, перенос стабильности значения с формулировки и толкования на практику и конвенцию.

— Утверждение социального, контекстуального, конвенционального и нормативного характера связки знака и референта, правила и ситуации;

— Рассмотрение правила в контексте человеческой деятельности, социальной речевой практики;

— Признание незаданности правилом собственного способа применения, открытого и изменчивого характера употребления;

— Разделение типичных и нетипичных ситуаций использования знака / применения правила, отсчет значения термина или стандарта от ясных случаев словоупотребления²⁵.

Необходимо отметить, что в работах Харта отсутствует непосредственный анализ построений Л. Витгенштейна (как он отсутствует у Харта и в отношении иных своих философско-методологических оснований), нет и прямого провозглашения им

---

²⁵ Подробнее см.: Харт Г. Л. А. 1) Приписывание ответственности и прав // Юриспруденция в поисках идентичности: сборник статей, переводов, рефератов. Самара, 2010. С. 242–270; 2) Определение и теория в юриспруденции // Правоведение. 2008. № 5. С. 6–32; 3) Понятие права. — См. также: Касаткин С. Н. 1) На пересечении факта, нормы и языка: понятие действия в концепции Герберта Л. А. Харта // Проблема правосубъектности: современные интерпретации: Материалы международной научно-практической конференции. Вып. 9. Самара, 2011. С. 139–153; 2) Доктрина судейского усмотрения в концепции Герберта Л. А. Харта.

себя в качестве витгенштейнианца. Нет у британского правоведа и четкой постановки и решения парадокса следования правилу (собственно говоря, активное обсуждение данного парадокса в философской литературе и исследованиях по Витгенштейну не было вплоть до работ Сола Крипке в начале 1980-х гг.). Вместе с тем, как показано выше, Харт во многом разделяет общую концепцию австрийского философа, элементом и следствием которой выступает нормативный парадокс, а его построения вполне совместимы с формулой парадокса.

